

СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ О ЗАЩИЩАЕМЫХ УЧАСТНИКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПО ДЕЛАМ ОБ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Современная практика борьбы с организованной преступностью немыслима без применения особых мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и защиты их от возможных преступных посягательств. Уверенность свидетелей и потерпевших в собственной безопасности и безопасности своих близких, отсутствие давления на них со стороны лиц, противодействующих расследованию, являются неперенными условиями эффективного осуществления правосудия.

Ключевые слова: защита частных лиц; уголовный процесс.

Потребность обеспечения защиты участников уголовного процесса, ставших жертвами преступлений со стороны организованной преступности, побудила законодателей многих стран ужесточить нормы по борьбе с организованной преступностью и по-новому урегулировать статус таких потерпевших.

В современном российском праве уголовно-процессуальные меры защиты частных лиц при расследовании дел, связанных с организованной преступностью, осуществляются в пределах уголовного судопроизводства, их применение возможно лишь субъектами, которые осуществляют властную уголовно-процессуальную деятельность.

При изучении этой группы мер необходимо учитывать, что уголовный процесс разделен на стадии, и меры, соответственно, будут обладать особенностями в зависимости от того, осуществляются они на досудебных или судебных стадиях.

В рамках данной статьи будет освещен вопрос применения меры безопасности, связанной с обеспечением конфиденциальности частного лица на разных стадиях расследования уголовного дела и привлечения виновного к уголовной ответственности.

Так, на стадии предварительного расследования существует необходимость не приводить данные о личности защищаемого лица (потерпевшего, его представителя, свидетеля, их родственников, близких родственников или близких лиц), в протоколе следственного действия. Указанная мера предусмотрена в ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Кроме того, закон допускает неприведение данных о личности защищаемого лица не только в протоколе следственного действия, но и в заявлении о преступлении, объяснениях при возбуждении уголовного дела, что означает: эта мера распространяется и на стадию возбуждения уголовного дела.

Отсутствие в процессуальных документах истинных, полных и точных сведений, доступ к которым имеют многие участники процесса, значительно осложнит реализацию противоправного воздействия на частных лиц со стороны представителей организованной преступности. Для установления принадлежности показаний защищаемому лицу обычно присваивается псевдоним или изменяются его фамилия, имя и отчество, подпись. Истинная информация хранится в отдельном пакете, который передается вместе с уголовным делом прокурору и в суд.

Резонно возникает вопрос о возможности доступа к конверту с подлинными сведениями о защищаемом лице. А.Ю. Епихин в этой связи предлагает установить в ст. 166 УПК РФ запрет доступа к конверту с подлин-

ными сведениями иных лиц, кроме надзирающего прокурора и должностного лица, в чем производстве находится дело (дознателя, следователя и суда – единоличного или коллегиального) [1. С. 287–288].

А.Н. Ахпанов считает возможным ограничивать обвиняемого и его защитника в ознакомлении с информацией о месте жительства свидетелей и потерпевших; не прилагать к обвинительному заключению эти сведения; ограничивать право обвиняемого на очную ставку и предъявление личности для опознания (осуществлять очную ставку без предъявления обвиняемого свидетелю или потерпевшему, а опознание – в условиях, исключающих визуальный контроль опознаваемым опознающего) [2. С. 17].

Следует отметить, что ранее действовавший уголовно-процессуальный закон (ст. 141, 160, 161 УПК РСФСР) позволял, в случае необходимости, ограничиться указанием в протоколе следственного действия фамилии, имени и отчества его участника, а адрес указывать лишь в необходимых случаях.

В действующем УПК РФ установлен порядок присвоения защищаемому лицу псевдонима. Некоторые авторы отмечают, что формулировка «псевдоним» использована в тексте УПК РФ неудачно, т.к. данный термин может быть истолкован различно, что недопустимо в правоприменении [3. С. 8–9].

Кроме того, в кодексе не указаны особенности процедуры присвоения псевдонима. «В Болгарии, например, в такой ситуации используются идентификационные номера, в Эстонии – условные имена, в Нидерландах – буквы алфавита. В отечественных словарях псевдоним разъясняется как вымышленное имя. Однако использование вымышленного имени чревато возможностью повторения настоящих персоналий другого гражданина, хоть это и маловероятно. Употребление же идентификационных номеров может вызвать затруднение при их запоминании участниками судебного разбирательства. Поэтому, думается, в качестве псевдонимов в российском уголовном судопроизводстве предпочтительны буквы алфавита (например, «свидетель А»)» [4. С. 39]. Такой путь разрешения проблемы на практике представляется оправданным. Однако желательно, чтобы псевдоним в виде буквы не совпадал с начальной буквой фамилии защищаемого лица.

Изучение практики применения «допроса под псевдонимом» показывает, что следователями при расследовании уголовного дела не всегда выдерживаются элементы указанной процедуры. Так, например, при расследовании уголовного дела по обвинению группы лиц в совершении преступления, предусмотренного

ч. 2 ст. 213 Уголовного кодекса РФ, защищаемые лица были допрошены под псевдонимом, их подлинные данные о личности были помещены в конверт, запечатаны и приложены к делу. Однако при допросе потерпевших, которым знакомы «засекреченные свидетели», данные об их личности были озвучены в протоколах допроса и, соответственно, в судебном заседании [5].

По нашему мнению, в данных случаях возможны два пути решения проблемы:

– можно передопросить свидетеля, указавшего на защищаемое лицо, с изменением в протоколе допроса истинных данных на псевдоним;

– в случае если применение первого варианта невозможно в силу объективных причин (например, смерть потерпевшего, указавшего на свидетеля, когда ценным являются как показания умершего потерпевшего, так и показания защищаемого лица), целесообразно предоставить следователю право вносить соответствующие изменения в протоколы допроса иных лиц, которые были допрошены ранее защищаемого лица и упоминали его истинные данные, и помещать их в дело, а подлинный протокол допроса выделять в секретное дело защищаемых лиц, которое направлять в суд вместе с основным производством, не могущим быть предметом ознакомления для других участников процесса (выполнения требований ст. 215–217 УПК РФ).

В ходе следственных действий с участием лица, которому дан псевдоним, не применяются фото-, видео-, киносъемка, а если есть основания полагать, что субъект по голосу может быть узнан либо идентифицирован в будущем, то не применяется и аудиозапись. Представляется правильным ограничение проведения с таким лицом следственных действий, производство которых требует участия понятых, специалистов, экспертов и др. Следует также исключать необоснованную передачу уголовных дел, в которых лица участвуют под псевдонимами, от одного следователя к другому, поскольку это порождает отказы указанных лиц от дальнейшего участия в уголовном судопроизводстве из-за опасения, что расширение круга сотрудников правоохранительных органов, знающих подлинные сведения о них, может привести к утечке информации [6. С. 23].

Логическим продолжением допроса под псевдонимом в ходе предварительного следствия служит предусмотренная в п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ возможность проведения закрытого судебного разбирательства, если этого требуют интересы обеспечения безопасности участников уголовного судебного разбирательства, а также допрос свидетелей без оглашения в ходе судебного разбирательства данных о личности и допрос, исключаящий визуальное наблюдение свидетеля другими участниками уголовного судопроизводства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Закрытое судебное разбирательство является исключением из принципа гласности и допускается, если «этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц» (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). И. Петрухин назвал эту меру «не вполне продуманной, поскольку таких лиц много, притом их число можно искусственно преувеличить и почти все уголовное судопроизводство в России станет закрытым» [7. С. 72].

Однако правоприменительная практика знает немало примеров, когда соблюдение принципа гласности судопроизводства приводило, в контексте обсуждаемого вопроса, к серьезным негативным последствиям. Так, при рассмотрении уголовного дела о вымогательстве свидетель прямо заявил суду, что будет давать показания в том случае, если друзья подсудимого, находящиеся в зале заседания, выйдут и не будут слушать, что он скажет. Однако суд отклонил просьбу, ссылаясь на принцип гласности судебного разбирательства. Тогда свидетель отказался давать показания, заявив, что скорее готов понести за это ответственность, чем подвергать опасности свою жизнь и жизни близких. В результате суд был вынужден ограничиться оглашением показаний, данных свидетелем при производстве предварительного следствия [8. С. 145–146].

На этапе судебного следствия также возникают проблемы с допросом защищаемого лица без оглашения подлинных данных о его личности. Допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение защищаемого лица другими участниками судебного разбирательства, допрос в отсутствие публики при открытом (в целом) судебном разбирательстве, допрос защищаемого лица при его нахождении вне зала судебного заседания с использованием видеотехнических средств – это меры безопасности, применяемые при допросе частных лиц в суде по делам об организованной преступности.

Согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ, при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц, суд, без оглашения подлинных данных о личности допрашиваемого, вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. Данная мера безопасности является логическим продолжением засекречивания данных о личности свидетелей в протоколах допроса на стадии предварительного расследования (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

О проведении допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, суд выносит определение или постановление. Вынесенное определение или постановление не оглашается в судебном заседании в полном объеме. Учитывая, что фактически свидетель в таких случаях допрашивается в отдельном помещении или другом здании, вполне обоснованно можно сделать вывод о высокой эффективности рассматриваемой меры с точки зрения обеспечения безопасности свидетеля [9. С. 501].

Исходя из необходимости соблюдения принципов состязательности сторон и непосредственности исследования доказательств, все же предпочтительным является допрос в отсутствие публики при открытом (в целом) судебном разбирательстве. В случае, если свидетель отказывается от дачи показаний в присутствии подсудимого и иных участников процесса, суд выносит определение или постановление о допросе свидетеля в отсутствие иных участников процесса. В этом случае свидетель должен быть допрошен судом в полном составе. Показания, данные свидетелем в ходе такого допроса, подлежат протоколированию в обычном порядке, но без указания данных о личности свидетеля,

вместо них указывается псевдоним, под которым свидетель фигурировал на стадии предварительного расследования.

В литературе, посвященной вопросам обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству, неоднократно предлагалась такая мера безопасности, как демонстрация в зале суда видеозаписи или оглашение показаний, данных защищаемым лицом в стадии предварительного расследования без его вызова в судебное заседание [10. С. 84]. Также имеется точка зрения о распространении этой меры только на отдельные категории дел, в частности, на дела об организованной преступности [11. С. 100].

Но при реализации данной меры безопасности стороны, участвующие в деле, и суд, как нам представляется, ограничены в своем процессуальном исследовании только лишь возможностью использования показаний, данных защищаемым лицом на стадии предварительного расследования. Такое положение, по мнению Е.В. Жарикова, нарушает процедуру доказывания и находится в полном расхождении с принципом непосредственного исследования доказательств [12. С. 116–117].

Представляется, что государство, принимая на себя ответственность за безопасность граждан, обязано оказать лицам, в первую очередь потерпевшим от преступления, адекватную правовую, организационную и материальную поддержку, а также создать наиболее приемлемые формы участия потерпевшего во всех стадиях уголовного судопроизводства. Идеальным вариантом является правовое регулирование указанных вопросов таким образом, чтобы были соблюдены и реализованы права всех лиц, участвующих в деле.

При осуществлении производства по делам об организованной преступности, особенностями является наличие разветвленной криминальной структуры, которая может различными способами оказать воздействие на защищаемых лиц в любое время суток, на разных стадиях судопроизводства.

Судебная практика предлагает разные варианты решения этой проблемы. Так, например, во время одного из судебных заседаний Верховного суда Мордовии, при рассмотрении уголовного дела по факту убийства капитана милиции, возникла необходимость в допросе главного свидетеля обвинения, который не являлся по вызову. Верховный суд дал поручение милиции доставить данного участника процесса – женщину в зал судебного заседания. Однако последняя отказалась явиться в суд из-за опасения за свою жизнь и за жизнь своих малолетних детей. Ее опасения были обоснованными, т.к. по делу оказывалось мощное давление на субъектов уголовно-процессуальных отношений, в том числе и на судью. Тогда Судебная коллегия решила допросить женщину вне здания Верховного суда и без подсудимых. Свидетель был допрошен по месту его жительства (в присутствии участников судопроизводства: суда, прокурора, адвоката). В ходе судебного действия применялась видео- и аудиотехника. Результаты допроса огласили на следующий день в зале суда. Верховный Суд России посчитал действия суда правильными [13. С. 14].

В этой связи интересна практика применения «Конвенции о защите прав человека и основных свобод»

1950 г. Европейским Судом по правам человека. Ст. 6 этого правового акта закрепляет право на справедливое судебное разбирательство, в соответствии с которым каждый, при предъявлении ему любого уголовного обвинения, имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, в том числе, права: защищать себя лично или через выбранного им самим защитника; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Практика Европейского Суда по правам человека показывает, что в некоторых случаях обеспечение безопасности свидетелей и потерпевших от преступления приводит к ограничению принципа состязательности и равноправия сторон, а также права обвиняемого на защиту. Обычно все доказательства должны быть исследованы в ходе публичного слушания в присутствии обвиняемого с тем, чтобы обеспечить реальную состязательность сторон. Из этого принципа имеются исключения, но они не должны ущемлять право на защиту, обвиняемому, которому предоставляется адекватная возможность оспаривать показания свидетелей обвинения [14. С. 117].

Статья 6 Конвенции особо не предусматривает защиту интересов свидетелей. Однако когда на карту ставится жизнь, свобода или безопасность человека, здравый смысл подсказывает – государство должно организовать свое судопроизводство по уголовным делам таким образом, чтобы эти интересы не оказывались под угрозой. В таком контексте принципы справедливого судебного разбирательства требуют, чтобы в особых случаях интересы стороны защиты соизмерялись с интересами тех свидетелей или жертв, которые вызваны в суд для дачи показаний.

Нам представляется, что для обеспечения права на справедливое судебное разбирательство необходимы «уравновешивающие» процедуры. При наличии таковых положение ст. 6 Конвенции будет соблюдаться. В этом отношении наиболее важными факторами становятся: возможность обвиняемого присутствовать при допросе свидетеля, задавать свидетелю вопросы; осведомленность председателя суда о личности свидетеля.

Как заявил Суд по делу Ван Мехелен и др. против Нидерландов: «Принимая во внимание то значение, которое имеет в демократическом обществе право на справедливое отправление правосудия, любые меры, ограничивающие права защиты, должны диктоваться строгой необходимостью. Если менее ограничительная мера будет достаточна, то именно она должна применяться» [14. С. 117].

Таким образом, обвинительный приговор не должен основываться исключительно на анонимных утверждениях. Должны присутствовать и иные доказательства, подтверждающие вину лица. В связи с этим следует отметить, что российское законодательство также не допускает использование в качестве доказательств показания потерпевшего, свидетеля, основанные на до-

гадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

В практике борьбы с организованной преступностью анонимность не только допрашиваемого, но и допрашивающего играет большую роль. Так, в Колумбии ведение процессов по делам организованной преступности осуществлялось «судьей без лица», при этом подсудимый отвечал перед телекамерой на вопросы судьи, который никому не был известен, кроме назначившего этих судей президента страны.

Очевидно, что особые трудности возникают при осуществлении мер безопасности по делам об организованной преступности. В процессе расследования уголовного дела у следствия может появиться информация об угрозе защищаемому лицу со стороны членов организованной преступной группы, не привлекаемых к уголовной ответственности по расследуемому делу. Естественно, из соображений безопасности нежелательно их нахождение в зале судебного заседания. Поэтому на основании решения суда указанные лица могут быть не допущены в судебное заседание. Применение такой меры безопасности возможно только при наличии достаточной информации о личности, оказывающей или готовой оказать противоправное воздействие на защищаемое лицо. Для обеспечения реальной безопасности справедливо предлагается установить

контроль за входом как в само помещение суда, так и в зал судебного разбирательства [15. С. 314]. А на досудебных стадиях подлежат применению и другие меры безопасности.

Изучение соответствующих источников показывает, что нередко лишь уголовно-процессуальных мер защиты частных лиц недостаточно для их охраны от посягательств организованных преступных групп. По нашему мнению, причина в том, что уголовно-процессуальные меры защиты могут применяться только в пределах уголовного судопроизводства, а посткриминальное воздействие на частных лиц со стороны организованных преступных групп осуществляется также и за пределами уголовного процесса.

В этой связи представляется, что в настоящее время существует необходимость обсуждения вопроса о злоупотреблении правом на защиту, а также законодательной регламентации ограничений указанного права. При этом безусловно соблюдение принципа соразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в процессе реализации норм УПК РФ. В настоящее время отечественное уголовно-процессуальное законодательство, в отличие от международного, не устанавливает каких-либо механизмов компенсаторного характера, касающихся реализации права обвиняемого на защиту, что служит существенным препятствием к реализации известных в нашей стране мер государственной защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Епихин А.Ю.* Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. М.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 330.
2. *Ахпанов А.Н.* Пределы правоограничений личности в уголовном судопроизводстве. Караганда: Полиграф-сервис, 1995. С. 270.
3. *Астафьев Ю.В., Карпова О.М.* Институт обеспечения безопасности участников уголовного процесса в новом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Конституция РФ 1993 и формирование «новых» отраслей и институтов Российского права. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. Вып. 16. С. 360.
4. *Брусницын Л.* Допрос под псевдонимом // Законность. 2003. № 1. С. 50.
5. Уголовное дело из архива Любинского районного суда Омской области. Т. 1. Л.д. 265.
6. *Брусницын Л.* Псевдонимы в уголовном процессе // Законность. 2005. № 1. С. 50.
7. *Петрухин И.* Защита лиц, содействующих правосудию // Уголовное право. 1999. № 1. С. 80.
8. *Марченко С.Л.* Правовые гарантии обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Совершенствование законодательства: поиск и решения. Тюмень: Изд-во ТЮИ МВД РФ, 1993. С. 290.
9. *Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под общ. ред. В.М. Лебедева, науч. ред. В.П. Божьева.* М.: Спарк, 2002. С. 780.
10. *Марченко С.Л.* Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 250.
11. *Вечернин Э.П., Губанов В.В., Савченко С.М.* К вопросу о правовой защите участников уголовного процесса и иных лиц // Проблемы борьбы с организованной преступностью. Иркутск: Изд-во БГУП, 1994. С. 195.
12. *Жариков Е.В.* Дифференциация уголовного процесса как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. С. 250.
13. *Охота на судей* // Известия. 21.01.1994. С. 25.
14. *Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б.* Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 6: Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М.: Юрист, 2001. С. 350.
15. *Епихин А.Ю.* Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. М.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 330.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 мая 2009 г.